

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Наталья Вадимовна ЛАБУНЕЦ¹

Наталья Сергеевна КОЧНЕВА²

УДК 81'373.2

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. П. КРАПИВИНА

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры общего языкознания,
Тюменский государственный университет
n.v.labunec@utmn.ru

² аспирант кафедры общего языкознания,
Тюменский государственный университет
n.s.kochneva@utmn.ru

Аннотация

В статье исследуется актуальный, но недостаточно изученный феномен ономастической рефлексии. Цель — выявление специфики ономастических рефлексивов в пространстве сказочных текстов В. П. Крапивина в аспекте языковой игры. Источником послужили тексты произведений В. П. Крапивина, которые сам автор обозначил как крапивинские сказки. Материалом стали ономастические конструкции (более 1 500 единиц), включенные в рефлексивный контекст авторского видения имени собственного. Основные методы исследования — контекстуальный и компонентный анализ, а также приемы описательного метода (наблюдения, интерпретации, систематизации). На материале крапивинских текстов эвристическая номинативность, ономастическая нагруженность текстов впервые рассматриваются с позиций представления оценочной информации, со-

Цитирование: Лабунец Н. В. Ономастическая рефлексия в произведениях В. П. Крапивина / Н. В. Лабунец, Н. С. Кочнева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 2. С. 6-19.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-6-19

держатся в метаязыковых высказываниях-размышлениях над именем собственным. Специфика исследуемых рефлексивов заключается в том, что они могут быть как эксплицитно, так и имплицитно выраженными суждениями, сопряженными с различными текстовыми параметрами — от слова-онима (квазирефлексива) через ономастическое словосочетание к развернутой оценочной характеристике ономастической конструкции. Особенностью крапивинского онима является стремление автора показать различные функциональные грани имени собственного: оним-номинатив — оним-характеризатор. Манифестация рефлексивующего начала в тексте осуществляется различными способами: за счет прямого комментирования имени собственного с использованием специальных лексических средств, синтаксических конструкций, а также за счет его графического (орфографического), фонетического оформления, структурирования компонентного состава. Ассоциативные связи имени, проявляющиеся через ономастические рефлексивы, создают эффект ономастической игры.

Ключевые слова

Имя собственное, ономастическая рефлексия, ономастический рефлексив, квазирефлексив, оним-номинатив, оним-характеризатор, ономастическая игра.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-6-19

Введение

Проблема языковой (метатекстовой) рефлексии является одной из актуальных в современной лингвистике, что обусловлено доминированием антропоцентрического подхода к исследованию языка. Языковая рефлексия так или иначе анализируется в работах Н. В. Васильевой, И. Т. Вепревой, М. В. Голомидовой, В. И. Карасика, Л. П. Крысина, Н. Б. Мечковской, Е. Н. Ремчуковой, З. С. Санджи-Гаряевой, Б. С. Шварцкопфа, М. Р. Шумариной и др. По признанию ряда ученых, программной продолжает оставаться работа И. Т. Вепревой «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» [3], в которой представлены различные подходы к исследованию означенного феномена, намечены исследовательские векторы, введены основные понятия, термины метаязыкового дискурса, не потерявшие своей актуальности и в настоящее время. Несмотря на существующие традиции, пути и способы рассмотрения ономастической рефлексии пока только намечаются в работах Т. А. Бойковой [1], Н. В. Васильевой [2], Т. А. Гридиной [4], И. В. Крюковой [10], Е. Н. Перфильевой [13], А. А. Трапезниковой [15], М. Р. Шумариной [16] и др. Новизна настоящего исследования заключается в том, что ономастическая рефлексия впервые рассматривается на материале художественных произведений В. П. Крапивина, адресованных детской аудитории.

Размышления над именем собственным как значимой категорией текста всегда были присущи русским писателям, однако далеко не в каждом художественном тексте встречаются ономастические рефлексивы. В. П. Крапивин — автор, в творчестве которого ярко проявляется эвристическая номинативность, во многом объясняющаяся вниманием писателя к выбору имени собственного,

потенциалу его интерпретационных возможностей. Цель статьи — выявить особенности ономастических рефлексивов в пространстве сказочных текстов В. П. Крапивина в аспекте языковой игры.

Источником послужили тексты произведений В. П. Крапивина, опубликованные в разное время (большинство из них вошли в тридцатитомное собрание сочинений писателя), в которых наиболее отчетливо прослеживается ономастическая рефлексия, а именно: «Почему такое имя?», «Старый дом», «Белый шарик матроса Вильсона», «Портфель капитана Румба», «Серебристое дерево с поющим котом», «„Чоки-чок“, или Рыцарь Прозрачного Кота», «Тридцать три — нос утри», «Полосатый жираф Алик» [7]. Ряд произведений, включенных в нашу источниковую базу, был издан позже: «Стража Лопухастых островов» [8], «Топот шахматных лошадок» [9], «Пироскаф „Дед Мазай“» [6]. Отметим, что в соответствии с авторским самоопределением указанные произведения можно считать «крапивинскими сказками», важнейшей особенностью которых, с лингвистической точки зрения, является ономастическая нагруженность текста. Материалом исследования стали ономастические конструкции (более 1 500 единиц), включенные в рефлексивный контекст авторского видения имени собственного.

Основная часть

Как уже отмечалось выше, несмотря на существующие подходы к изучению языковой рефлексии, данная проблематика все еще остается недостаточно исследованной. Следует отметить, что метатекстовая рефлексия активно рассматривается не только с позиций особых метаязыковых дискурсов, но и в аспекте представления оценочной информации, содержащейся в метаязыковых высказываниях-размышлениях над именем собственным. Вслед за И. Т. Вепревой в отечественной лингвистике установилось понимание рефлексива как комментария к слову-ониму, при этом комментирование может быть как эксплицитным, так и имплицитно выраженным. Устоявшимися следует признать и термины, указывающие на план содержания рефлексива: «метаязыковое суждение», «метаязыковая оценка (характеристика)» [17, с. 9].

В плане выражения рефлексива рассматриваются его структурные элементы, «во-первых, те структурные формы, в которых воплощается рефлексив в речи, а во-вторых, — определенные внешние признаки, метапоказатели, которые сигнализируют исследователю о том, что данный речевой отрезок должен квалифицироваться как рефлексив» [17, с. 76]. Нельзя не согласиться с исследователями, утверждающими, что рефлексив как значимый элемент художественного текста встраивается в его пространство за счет различных сопряжений — ассоциативных, тематических, структурных.

Вслед за учеными, актуализирующими «вопрос о средствах метаязыковой функции... при помощи которых эта функция реализуется» [17, с. 1], ономотологи, рассматривающие оним в качестве «сильной позиции текста» (А. А. Фомин), указывают на значимость исследуемых единиц в связи с дальнейшей

разработкой способов, методов познания художественного произведения. Не раз отмечалось, что в случаях, когда интерпретация имени собственного, онима, одновременно сопровождается интерпретацией самого объекта номинации, следует говорить о стилистическом приеме, когда автор стремится обратить внимание читателя на те или иные детали текста (В. В. Виноградов, А. Н. Николина, М. Р. Шумарина).

К поиску имени собственного, рассмотрению потенциала его интерпретационных возможностей В. П. Крапивин относится очень внимательно. Об этом свидетельствует и сам писатель, в том числе в различных интервью. Так, в одной из бесед с нами Владислав Петрович охарактеризовал оним как важный инструмент в построении образа персонажа: от ономастического выбора, подчеркнул писатель, зачастую зависит развитие сюжета произведения, его глубинные мотивации. «Бывает, что имя в процессе работы меняется... иной раз чувствуешь, вроде бы имя пишется, но как-то не укладывается, не соответствует настроению... вызывает несколько другие ассоциации... и ищешь другое имя... Очень часто от имени, от интонации его во многом зависит характер и судьба персонажа» [5, с. 147-146].

О важности имени собственного свидетельствует также и то, что В. П. Крапивин называет «автолитературоведением», результатом которого стал словарь имен персонажей его книг — «Кратокрафан» («Краткий толкователь крапивинской фантастики»), где в алфавитном порядке не только представлены различные онимы, но и дана авторская оценка его героев, так или иначе сопряженная с именем.

Номинативный вектор языкового творчества реализуется в стремлении В. П. Крапивина оценить, прокомментировать различными способами едва ли не каждый оним, сопрягая его с определенными текстовыми параметрами. В этой связи закономерно, что крапивинские имена собственные, взаимообусловленные художественным текстом, в который они вплетены, актуализируют метатекстовую рефлексю. Ономастическая, метатекстовая рефлексия связана, на наш взгляд, с общей тенденцией — рефлексивным характером творчества писателя, где «основной предмет описаний Крапивина — это душевные переживания подростка и рефлексия взрослого, вспоминающего детство» [11, с. 207].

Подобная направленность закономерно отражается в творчестве В. П. Крапивина, в частности в его прямых комментариях. Также рефлексивное начало крапивинского творчества проявляется и на уровне подзаголовков многих его произведений. Повесть «Заяц Митька», например, предваряется авторским комментарием: «Сентиментальная повесть обо всем понемногу», произведение «Пироскаф „Дед Мазай“» включает такой подзаголовок: «Роман-сказка для самого себя». В последнем случае рефлексивное начало раскрывается в последующем тексте предисловия: «Ясно из подзаголовка, что эту книгу автор написал прежде всего для себя» [9, с. 3]. Более того, сам В. П. Крапивин в ряде произведений отмечает, что и раньше у него были такие книги, где он «уходил к себе», например: «Лоцман», «Синий треугольник», «Дырчатая луна» и др.

Таким образом, исследование ономастической рефлексии в произведениях В. П. Крапивина закономерно вписывается в общую рефлексивную тональ-

ность его литературного творчества. Однако нельзя не учитывать и тот факт, что крапивинское имя собственное, всегда творческое, конструируется по особым параметрам, задающим напряженность поиска, игры, реализующееся в рефлексии над функциональным статусом онима. Эвристичность имени собственного в пространстве художественного текста писателя особенно ярко проявляется через взаимосвязанность языковой рефлексии и языковой игры, если под языковой рефлексией понимать «оценочно-аналитическое отношение к своей и чужой речи, имплицитно и эксплицитно выраженное в тексте» [14, с. 275]. В этой связи важно отметить, что языковая игра по своей природе также оценочна, поэтому языковая рефлексия может рассматриваться в качестве способа ономастической игры.

Пространство текста В. П. Крапивин насыщает различными классами онимов: личные имена, отчества, фамилии центральных и периферийных персонажей, топонимические номинативы, космонимы, астронимы, зоонимы, названия отдельных предметов, книг, кораблей и т. д. В художественных текстах писателя встречаются различные суждения не только о языковых или речевых фактах, но и особые, авторские, имплицитно и эксплицитно выраженные комментарии едва ли не к каждому ониму. Частично это обусловлено тем, что детский текст, в силу своей специфики, нуждается в особом прочтении. О том, что ономастическая рефлексия важна для В. П. Крапивина, свидетельствует название цикла рассказов «Почему такое имя?», опубликованного в начале творческого пути писателя и задающего тем самым своеобразную ономастическую перспективу дальнейшего видения авторского ономастикона.

Традиционно имя собственное, функционирующее в пространстве художественного текста, изучается с различных позиций. Так, в последнее время оним анализируется в аспекте синтаксических отношений (Л. В. Василевская), что позволяет рассматривать имя собственное в ракурсе суждения о «микротекстологии имени» (Н. В. Васильева), где оним прослеживается во взаимосвязи с «апеллятивными идентификаторами». Подобная трактовка природы литературного онима позволяет охарактеризовать приемы метатекстовой рефлексии, проявляющей писательские интенции, в аспекте языковой игры.

Если рассматривать ономастические рефлексивы как определенные отрезки речи/текста, в которых фиксируется метаязыковая информация, связанная с онимами, то в крапивинских текстах следует выделить следующие категории: онома/оним (квазирефлексив), ономастическое/онимическое словосочетание (термин + имя собственное), ономастическое/онимическое высказывание. В плане выражения такие рефлексивы включают определенные метапоказатели, указывающие на имя собственное.

1. Онома/Оним

В структурном отношении в текстах писателя онимы представлены одночленными, двучленными, многочленными онимическими конструкциями, метапоказателем которых выступает не вербальная единица, но графический (орфо-

графический) маркер — прописная буква. Строго говоря, онимы непосредственно к рефлексивам отнести трудно (хотя в ряде случаев графические показатели, о которых речь пойдет ниже, могут свидетельствовать об имплицитно выраженной рефлексии писателя), поэтому в данном случае, на наш взгляд, целесообразно говорить о своеобразном квазирефлексиве, который через текстовые категории так или иначе разворачивается в собственно рефлексивную конструкцию.

Прежде всего отметим, что наиболее объемным классом литературных онимов писателя являются антропонимы с существенным преобладанием мужских имен. Ср.: мужские — «Гуська», «Ефросиний», «Касьян», «Никус», «Серебран», «Симус», «Фуба», «Юхан» и др., женские — «Виолетта», «Глория», «Капитолина», «Олимпиада», «Розалия», «Ядвига» и др. В количественном отношении односложный оним в текстовых параметрах существует в пределах от 1 символа (буквы) до 22. Так, например, есть персонаж, живая буква, имя которого — «А», в лингвистическом отношении ему противостоит оним «Цтинотакчилокицидана», называющий сказочного героя с капризным характером.

Встречаются также одночленные онимы-композиции: «Катька-Топотуха», «Пау-Итухатти-Пупуга», «Тули-ббуба», «Фома-Лоханка»; двучленные: «Афродита Нероновна», «Боб Каблук», «Глеб Дикий», «Игнатия Львовна»; трехчленные: «Борис Борисович Боб», «Ким Львович Пограничный», «Климентий Олегович Мумин-Ковальский», «Ядвига Кшиштовна Тышкевич-Загорская» (с двойной фамилией, что близко к четырехчленной конструкции). В ряде случаев используются «говорящие имена» — многочленные конструкции, стилизованные под западноевропейский онимический формуляр, ср.: «Аугусто-Негусто дон Сеял де Мамалыга», «Виття фон Люмпо-Лампо де Лучина», «Генрих Виктуар Евро-Азиатский Одиннадцатый», «Юхан Константин Анатолиус Колосовского-Забодайский», «Уно Бальтазавр Дудка». В функции личных имен выступают именованья вымышленных существ — мифоантропонимы: «Блх» (домашний гном), «Кап» (мальчишка с другой планеты), «Уу-гы» (существо гуманоидного типа), «Пим-Копытыч» (старый домовый) и др.

Очевидно, что антропонимические конструкции, представленные выше, хотя непосредственно и не включаются в вербально выраженные комментарии-высказывания, тем не менее отражают оценочные характеристики, авторское отношение к герою. Автор вступает в своеобразный «затекстовый» диалог с читателем, и читатель ясно слышит «затекстовые» суждения автора о том или ином антропониме, ощущает «затекстовую» рефлексивную авторскую рефлексию над именем собственным.

Среди топонимов достаточно много прецедентных обозначений городов, стран, регионов, континентов, океанов, морей, рек (Тюмень, Севастополь, Сибирь, Англия, Аргентина, Африка, Тихий океан, Черное море, Обь, Дунай и др.), служащих своеобразными маркерами построения реального пространства (в противоположность ирреальному, вымышленному). Кроме номинативной, подобные онимы выполняют лингвокультурную функцию, воссоздающую национальный колорит в контексте описываемых событий. В связи с этим укажем

также на многочисленность прецедентных антропонимов (Пушкин, Баратынский, Некрасов, Шекспир, Чайковский и др.), встречающихся в крапивинских текстах. Через «энциклопедизм», коннотативные составляющие прецедентного онима демонстрируется и авторское отношение к персонажам, «встроенным» в этнокультурные пространства страны, мира.

В целом в рассматриваемой категории (онома/оним) авторская рефлексия над словом проявляется уже в его графическом и фонетическом оформлении, структурировании компонентного состава. В. П. Крапивин акцентирует внимание на написании имени: «Поликарп Поликарпович Поддувало» (П. П. П.), «Квазимир Банка, хозяин керосиновой лавки» (рифмовка); длине слова: «„Инокентий“ — это долго писать»; ударении, которое в его текстах передается курсивом: «Его Етугоро», «хирург Горватов», «фамилия его произносится с ударением на первом слове — Телега»; чередовании звуков, в том числе и контрастивного плана: «Ее звали Ядвига Кшиштовна. То есть Кривовна, но у поляков „эр“ часто говорится, как „ша“». Реинтерпретация компонентного состава, представленного выше антропонима «Аугусто-Негусто дон Сеял де Мамалыга», который явно создан по испанской, латиноамериканской модели, дает возможность имплицитного отображения ассоциативной связи с русской синтаксической конструкцией: «В августе господин негусто посеял кукурузную кашу».

Таким образом, автор в своих произведениях стремится показать различные функциональные грани имени собственного: от онима-номинатива к ониму-характеризатору. Во многих случаях можно говорить об имплицитной авторской рефлексии, проявляющейся в иронической оценке персонажа через призму языковой игры.

2. Ономастическое/онимическое словосочетание

Обращают на себя внимание словосочетания типа «термин + онома/оним», содержащие антропонимы и топонимы. В этом случае вербализация авторской рефлексии может осуществляться за счет терминов/номенов, при этом наиболее частотные — препозиты антропонимического плана.

Антропонимические термины (personal name): имя («имя Денек», «имя божества», «из-за имени Сушкина», «по имени Рыжий», «от имени Эльза», «Полное имя тетушки было Изольда», «имя кота — Потап»); патроним («Позвольте без отчества? ...попросту — Егорыч», «Сан Димыч», «Степаныч»), значительно реже матроним («Аграфенович» > «Аграфена»); прозвище/когномен («получил прозвище Юферс», «по прозвищу Два Сапога Пара», «по прозвищу Цирюльник», «прозвищем Мума», «с длинным прозвищем Пауль Верхняя Душа», «по прозвищу Копейкин», «по прозвищу Чуф»); кличка («Была в классе такая кличка — Шуруп», «Была еще кличка „Терем“ и даже „Тем-теремок“»); фамилия («Фамилия участкового была Кутузов», «Сушкин — это фамилия»). Ономастический рефлексив используется не только в речи автора, но и литературных персонажей («Ну и получил я новую кличку — Стрелок»).

Антропонимические формулы «термин + онома/оним», представленные выше, в оценочном плане нейтральны, однако рефлексивное начало проявляется за счет термина в своеобразном «удвоении» имени, фокусирующем внимание автора на именном статусе персонажа.

Антропонимический рефлексив-словосочетание может расширяться за счет оценочных прилагательных, выражающих прямую авторскую рефлексивность. Ср.: *достойный* («Фома — очень достойное имя»), *хороший* («хорошее имя — Денек», «хорошее имя — Антон»), *редкий* («О-о, какое редкое имя!»), *ненавистный* («ненавистное имя „Фома“»), *дурацкий* («потому что имя дурацкое», «Имя какое-то девчоночье»), *дорогой* («имя было для меня дорогое из всех сил») — по отношению к имени; *(не)насмешливый* («Не насмешливое прозвище, а даже с почтением»), *глупый* («Печки-Лавочки? — Глупое прозвище»), *дружеский* («прозвище такое — оно не обидное, а вполне дружеское») — по отношению к прозвищу; *странный* («Фамилия-то, сам понимаешь, несколько странная»), *непривычный* («Моя фамилия, возможно, покажется непривычной»), *(не)героический* («Фамилия как фамилия. Не героическая, но и не обидная») — по отношению к фамилии.

В случае с прилагательными-характеризаторами рефлексия над именем усиливается за счет прямого авторского комментирования антропонима.

Топонимические термины (place-name) в произведениях В. П. Крапивина также представлены многочисленными примерами. В их числе: астионимы («в городе Васюки», «город Воробьевск», «у города Сомбро Негро», «у городка Кастилья Бланка де Карамазы»), комонимы («за деревней Кастрюлино»), гидронимы («река Томза», «на реке Лосихе», «река Бенилюкс», «река Укаялла», «речка Петуховка», «речка Говорлинка», «Ярушинский овраг»), оронимы («раньше городок назвался Старые Горы»), инсулонимы («Большой Лопуховый остров», «остров Одинокий Петух», «Лопухастый остров»), урбанонимы («лица Желтой Кометы», «Тополиный бульвар», «Березовый переулок»), эргонимы («Библиотека имени „Братьев Карамазовых“», «аптека „Не болейте!“», «антикварный магазин „Два рыцаря“», «страховая компания „Камышовый кот“», «детская театральная студия „Семеро козлят“»). Отдельную группу составляют хоронимы — названия вымышленных (сказочных, космических) пространств («страна Аستراليا», «страна Северный Тыквореп», «страна Северная Федерация», «страна Тыквагония»); космонимы, которые употребляются в функции топонимов: планета («солнце на планете Лиму-зина»), галактика, туманность («Леда», «Меркатор», «Черные Кристаллы», «между галактикой Желтая Сквородка и туманностью Большой Омлет»).

К указанной категории можно отнести конструкции, включающие термин (и его производные) «название/номинатив», который может занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение: «Название „Баный лог“ он не стал связывать с банями», «река под названием Конго», «Ново-Калошин получил название от резиновой фабрики».

3. Ономическое/ономастическое высказывание

Особый интерес вызывают конструкции развернутого ономастического высказывания, которые подразумевают диалогическую речь, в том числе и диалог автора с читателем. Крапивинские тексты насыщены метатекстовыми комментариями, в которых ономастическая рефлексия выражена эксплицитно. Метапоказателями, маркирующими ономастический рефлексив, в этом случае выступают, прежде всего, синтаксические конструкции усложненного типа.

Особенностью исследуемых произведений является использование вопросительных предложений, содержащих оним, ономастический термин, номинатив. Такие конструкции соотносятся с побудительными речевыми актами, способствующими созданию механизмов интерпретации ономастического высказывания диалогического типа. Приведем примеры: «Почему такое имя?», «А тебя как зовут?», «А вас как зовут?», «Вам какое название больше нравится?», «Может быть нормальным человек с таким именем?» и др.

Другим частотным показателем ономастической рефлексии являются вставочные конструкции, заключенные в скобки, которые можно рассматривать не только как способ передачи актуальной информации, но и как способ авторского комментирования онима. Отчество эксплицитно практически не используется в качестве метапоказателя, хотя имплицитно можно говорить и о рефлексии над патронимами: «Ну, почему „Мироновна“, непонятно (видимо, папа был такой)». Следует отметить и другие показатели: особый ввод имени («... друг Маркони по имени Абрикос (иначе — Сеня Персиков)»); актуализацию внутритекстовых связей и связанного с ней оценочного потенциала («Хозяин гордился своей фамилией и оскорблялся, если ее ошибочно писали через „д“ (гораздо сильнее, чем профессор Телега, когда путали ударение)») и др.

К числу развернутых ономастических рефлексивов-высказываний относится и диалогическая, монологическая авторская речь, в которой обсуждаются вопросы соотношения различных антропонимических категорий. Приведем примеры: имя-прозвище-фамилия («Просто фамилия такая у Бориски — Угольков. Потому и дали это прозвище. И Угольком его зовут гораздо чаще, чем настоящим именем»), имя-кличка («Клички... оказывались такими надолго прилипчивыми, что были как настоящие имена»), прозвище-дразнилка («Неужели и здесь ему не прожить без дразнилок и прозвищ?»).

Диалог автора с читателем способствует созданию специфической антропонимической дискуссии, когда языковая игра становится средством пародирования. К числу таких ономастических рефлексивов-высказываний можно отнести и особые текстовые отрезки, своеобразные «ономастические этюды», посвященные исключительно размышлениям писателя над именем и его сопряженностью с персонажами, текстовыми объектами. На наш взгляд, наиболее отчетливо эта черта проявляется в романе-сказке «Пироскаф „Дед Мазай“», где сюжет выстраивается через имя главного героя — аллюзивный оним, вынесенный в заглавие. Трансформация прецедентного текста задает новые параметры видения имени (Мазай — зайцы — Сушкин): «Старый Мазай разболтался

в сарае... Эту историю Сушкин в какой-то степени относил к себе, поскольку (он помнил про это) был похож на зайца» [6, с. 32]. По сути, в этом тексте автор формирует третье — ономастическое (кроме реального и ирреального) — пространство, которое порождает новый контекст восприятия мира.

Особенностью крапивинских текстов также является употребление космонимов в топонимической функции за счет языковой игры, проявляющейся в имени собственном, в частности через соотношение двух противоположностей — космоса и земной (кухонной) обыденности («Галактика — Желтая Сквородка», «туманность — Большой Омлет»).

Заключение

В целом отметим, что функционирование ономастической рефлексии в художественном тексте — интересный, но недостаточно изученный феномен, к рассмотрению которого пока лишь наметились подходы. В. П. Крапивин — автор, творчеству которого свойственен рефлексивный характер в использовании ономастических единиц, что также связывается с креативным началом ономастикона писателя. В текстах крапивинских сказок ономастическая рефлексия проявляется по-разному: от имплицитного (скрытого) содержания до развернутых оценочных суждений. В свою очередь, метаязыковой рефлексив как развернутое высказывание позволяет отчетливо проявиться различным ассоциативным связям онима, порождающим эффект ономастической игры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойкова Т. А. Личное имя как объект языковой рефлексии (на материале метаязыковых высказываний русских и американцев): дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Бойкова. М.: Московский государственный педагогический университет, 2017. 182 с.
2. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. Изд. 2-е, испр. М.: URSS, 2009. 224 с.
3. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. М.: Олма-пресс, 2005. 384 с.
4. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте / Т. А. Гридина. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 254 с.
5. Кочнева Н. С. «Почему такое имя?» (интервью с писателем В. П. Крапивиним) / Н. С. Кочнева // Сказки другой стороны: сб. повестей, рассказов, стихов и статей / отв. ред. и сост. В. П. Крапивин. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2013. С. 144-157.
6. Крапивин В. П. Пироскаф «Дед Мазай» / В. П. Крапивин. М.: Искатель, 2018. 240 с.
7. Крапивин В. П. Собрание сочинений: в 30 томах / В. П. Крапивин. М.: Центрполиграф, 2000-2001.
8. Крапивин В. П. Стража Лопухастых островов / В. П. Крапивин. М.: Астрель, 2006. 384 с.

9. Крапивин В. П. Топот шахматных лошадок / В. П. Крапивин. М.: Издательский дом Мещерякова, 2018. 248 с.
10. Крюкова И. В. Имя собственное как объект языковой рефлексии: направления исследований / И. В. Крюкова // Ономастика Поволжья: материалы XIII Международной научной конференции (13-14 сентября 2012 г. Ярославль) / под ред. Р. В. Разумова, В. И. Супруна. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета, 2012. С. 8-12.
11. Максимов Б. Тревожные сказки / Б. Максимов // Если, 1999. № 3. С. 207-215. URL: <https://www.fantlab.ru/work111706>
12. Николина Н. А. Языковая и речевая рефлексия в пьесах А. Н. Островского / А. Н. Николина // Русский язык в школе. 2006. № 3. С. 62-68.
13. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий / Н. П. Перфильева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2006. 285 с.
14. Санджи-Гаряева З. С. Языковая рефлексия Ю. Трифонова / З. С. Санджи-Гаряева // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1999. Выпуск 28. С. 275-281.
15. Трапезникова А. А. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярска): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Трапезникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 21 с.
16. Шумарина М. Р. Рефлексия имени собственного в художественной речи / М. Р. Шумарина // Русистика XXI века: традиции и тенденции: сб. материалов Международной научной конференции. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2010. С. 286-289.
17. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы) / М. Р. Шумарина. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

Natalia V. LABUNETS¹
Natalia S. KOCHNEVA²

UDC 81'373.2

ONOMASTIC REFLECTION IN WORKS OF V. P. KRAPIVIN

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of General Linguistics,
University of Tyumen
n.v.labunec@utmn.ru

² Postgraduate student,
Department of General Linguistics,
University of Tyumen
n.s.kochneva@utmn.ru

Abstract

The subject under research is the relevant, but insufficiently studied phenomenon of onomastic reflection. The aim is to identify the specifics of onomastic reflexives in the space of fairy-tale texts of V. P. Krapivin in the aspect of language game. The works of V. P. Krapivin (which he himself denoted as Krapivin's tales) served as the source. Onomastic constructions (more than 1,500 units), included in the reflexive context of the author's vision of the proper name, became the material of the research. Contextual and component analysis, as well as the techniques of the descriptive method (observation, interpretation, and systematization) are the main research methods. Based on the material of Krapivin's texts, the heuristic nominativeness, onomastic loading of texts were first examined from the standpoint of the presentation of the estimated information contained in the metalinguistic statements-reflections on the proper name. The specificity of the studied reflexives is that they can be either explicitly or implicitly expressed estimations, coupled with different textual parameters — from the word-onym (quasi-reflexive) through the onomastic phrase to the detailed evaluative characteristic of the onomastic construction. A special feature of Krapivin's onym is to be found in the author's desire to show various functional facets of a proper name: onym-nominative — onym-characterizer.

Citation: Labunets N. V., Kochneva N. S. 2019. "Onomastic reflection in works of V. P. Krapivin". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 2, pp. 6-19. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-6-19

The manifestation of the reflective beginning in the text is carried out in various ways: by directly commenting on the proper name using special lexical means, syntactic constructions, as well as through its graphic (orthographic), phonetic design, structuring of the component composition. Associative links of the name, manifested through onomastic reflexives, create the effect of onomastic games.

Keywords

Proper name, onomastic reflection, onomastic reflexive, quasi-reflexive, onym-nominative, onym-characterizer, onomastic game.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-6-19

REFERENCES

1. Boykova T. A. 2017. "Personal name as an object of language reflection (on the material of metalinguistic statements of Russians and Americans)". Cand. Sci. (Philol.). Moscow: Moscow State Pedagogical University. [In Russian]
2. Vasilyeva N. V. 2009. A Proper Name in the World of Text. 2nd edition, revised. Moscow: URSS. [In Russian]
3. Vepreva I. T. 2005. Language Reflection in the Post-Soviet Era. Moscow: Olma-press. [In Russian]
4. Gridina T. A. 2013. Language Game in a Literary Text. 3rd edition, revised. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. [In Russian]
5. Kochneva N. S. 2013. "Why such a name?" (Interview with the writer V. P. Krapivin)". In: Krapivin V. P. (ed.). Tales from the Other Side: Collection Of Novellas, Short Stories, Poems and Articles, pp. 144-157. Tyumen: University of Tyumen. [In Russian]
6. Krapivin V. P. 2018. Steamboat "Grandpa Mazay". Moscow: Iskatel. [In Russian]
7. Krapivin V. P. 2000-2001. Collected Works: in 30 vols. Moscow: Tsentrpoligraf. [In Russian]
8. Krapivin V. P. 2006. The Guardian of the Lopukhasty Islands. Moscow: Astrel. [In Russian]
9. Krapivin V. P. 2018. The Tramp of Chess Horses. Moscow: Izdatelskiy dom Meshcheryakova. [In Russian]
10. Kryukova I. V. 2012. "Proper name as an object of language reflection: research directions". Proceedings of the 13th International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region" (13-14 September 2012, Yaroslavl). Edited by R. V. Razumov and V. I. Suprun. Pp. 8-12. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. [In Russian]
11. Maksimov B. 1999. "Disturbing Tales". Esli, no 3, pp. 207-215. Saint Petersburg. URL: <https://www.fantlab.ru/work111706> [In Russian]
12. Nikolina N. A. 2006. "Language and speech reflection in the plays of A. N. Ostrovsky". Russian language at school, no 3, pp. 62-68. [In Russian]
13. Perfil'yeva N. P. 2006. Metatext in the Light of Text Categories. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. [In Russian]

14. Sandzhi-Garyayeva Z. S. 1999. "Language reflection of Yu. Trifonov". Stylistic Issues: Interuniversity Collection of Scientific Works, vol. 28, pp. 275-281. Saratov: Saratov State University. [In Russian]
15. Trapeznikova A. A. 2010. "Onomastic consciousness of the modern citizen (based on the ergonymy of Krasnoyarsk)". Cand. Sci. (Philol.). Krasnoyarsk: Siberian Federal University. [In Russian]
16. Shumarina M. R. 2010. "Reflection of the proper name in fiction speech". Proceedings of the International Scientific Conference "Russian Studies of the 21st Century: traditions and trends", pp. 286-289. Tambov: Izdatelstvo TOIPKRO. [In Russian]
17. Shumarina M. R. 2011. Language in the Mirror of a Fiction Text (Meta-Language Reflection in Works of Russian Prose). Moscow: Flinta; Science. [In Russian]